

Андрей Рискин

На флоте менингитом не болеют,

*или Нептуна расстрелять,
русалку - утопить*

Морские истории и байки

Андрей Рискин

**На флоте менингитом
не болеют, или Нептуна
расстрелять, русалку – утопить**

«Горизонт»

2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Рискин А.

На флоте менингитом не болеют, или Нептуна расстрелять,
русалку – утопить / А. Рискин — «Горизонт»,
2016 — (Морские истории и байки)

ISBN 978-5-906858-29-0

Андрей Рискин, являясь заместителем главного редактора «Независимой газеты», в душе по-прежнему ощущает себя на столько журналистом, сколько флотским офицером. И это ощущение не уходит с годами. Потому что служба на флоте – это на всю жизнь. В книге «На флоте менингитом не болеют, или Нептуна расстрелять, русалку – утопить» не только традиционные флотские байки, но и рассказ о подъеме атомохода «Курск» осенью 2001 года (во время этой уникальной операции автор был в Мурманске), версии гибели субмарины, а также записки, сделанные во время учебы в Калининградском ВВМУ. И, наконец, заметки об отношениях моряков России и Украины во время «крымской весны».

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-906858-29-0

© Рискин А., 2016
© Горизонт, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1. На флоте бабочек не ловят	7
В офицере главное не содержание, а форма	7
Родине вечно не хватает героев	9
Лучше всего патриотизм воспитывает гауптвахта	9
Иван Грозный и пропагандист Волошин	10
Патриотизм со строгим выговором	10
Про шило, которое в торпеде не утаишь	12
Нет аппетита – корми рыбок	14
Такая армия непобедима	16
Когда на гафеле развевается «длинный рубль»	18
От смелых отскакивает	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Рискин

На флоте менингитом не болеют, или Нептуна расстрелять, русалку – утопить

© А. Рискин, 2016

* * *

*Выпускникам Калининградского высшего военно-морского
училища, сослуживцам, всем, кого качало на морской волне, кто
«кормил рыбок», но нес вахту, кто служил и служит Родине*

Вместо предисловия

Говорят, что не бывает бывших разведчиков. Но, как мне кажется, и бывших моряков не бывает (и уж тем более среди тех, кто служил на кораблях радиотехнической разведки). И без разницы, сколько лет ты отдал службе – два года, десять, двадцать или еще больше. Потому что в любом случае это те годы, о которых вспоминаешь всегда. Даже если это были нелегкие годы. Потому что со временем плохое забывается, а хорошее помнится всю жизнь.

Хорошее – это флотская дружба, верность товарищей, их готовность стоять за тебя, защищать тебя, не сдавать тебя. Это девушка или жена, которая ждет, когда ты вернешься из похода. Это извечный флотский юмор, без которого служба невозможна (людям, у которых нет чувства юмора, на флоте не место). Хорошее – это когда после визита к начальству ты приходишь на корабль, обвешанный, как елочка, взысканиями, а сосед по каюте тебе говорит: «Не волнуйся, Андрюха, не ты первый, не ты – последний. Начальство останется на берегу, а мы по-прежнему будем ходить в море. И чихать нам на начальство. Нам надо дело свое делать».

И мы его делали, это самое дело. Ходили в море, несли вахту, воспитывали любимый личный состав, изредка хулиганили, нарушая Корабельный устав (играли в карты, выпивали в свободное от вахты время и т. д.). Но, главное, служили по совести.

А это дорогого стоит.

Часть 1. На флоте бабочек не ловят

В офицере главное не содержание, а форма

Чем выше у генералов тулья, тем хуже положение дел в армии и на флоте

Такое впечатление, что все реформы в армии и на флоте сводятся к новой форме одежды. Хотя давно подмечено: чем выше у генералов тулья на фуражке, тем хреннее положение дел в Вооруженных силах. Упомянутая тулья стала расти как на дрожжах после того, как в Российской армии в 1994 году вместо маленьких кокард со звездой ввели двуглавых орлов с мечом и лавровым венком в когтях. На прежних фуражках орел просто не помещался. Вскоре выяснилось, что высота фуражки не равна уровню интеллекта.

Хотя, конечно же, форма одежды для человека с ружьем – дело не последнее.

К примеру, для флотского офицера что главное? Правильно – стройность и молодцеватость (то есть внешний вид). А также шестое чувство. То есть высокое чувство ответственности за порученное дело. Остальные пять чувств (осознание, обоняние, слух, зрение и уж тем более вкус) офицеру нужны, прямо скажем, чисто символически. А вот стройность и молодцеватость – крайне важны. Они вырабатываются посредством строевых смотров и утренних построений.

Флот – слава богу, не пехота, строем на флоте ходят реже. Но зато если уж строевой смотр – то это полный геморрой. За день до смотра приходит в штаб бригады телефонограмма. Мол, завтра в 11. 00 всем быть на плацу, ожидается флотская инспекция. Комбриг рассылает свою цидулку – прибыть на место смотра в 10. 30. Начальник штаба, кабы чего не случилось, корректирует – быть на плацу в 10. 00. Командир дивизиона вносит поправку – в 9. 00. Ну а командир корабля всех выгоняет на мороз (а смотры у нас, как правило, именно при минус 20 любят проводить) на полчаса раньше. Красота. Кстати, называется вся эта лепота – «ефрейторский зазор», хотя на флоте звания ефрейтор нет. На флоте, как известно, есть звание старший матрос, хотя одну лычку на погонах никто носить не желает. Как говорят моряки, «лучше иметь дочь проститутку, чем сына младшего матроса».

К смотру на морозе надо готовиться. Вот загадка, которую уже не один десяток лет разгадать не могу... В советское время младшим офицерам, которым, как известно, в молодые годы никакой мороз не страшен (да и неудобно как-то, прибыв в гости к даме, фигурировать в голубом исподнем), выдавались как холодные кальсоны, так и теплые – с начесом. А вот старшим офицерам, которым уже пора бы и поберечь свои яйцеклетки, – только холодные. Став капитаном 3 ранга, то есть старшим офицером, очень был возмущен этим фактом. Кстати, лучшая команда на свете, когда на морозе ждешь проверяющих: «Разрешается курить. С мест не сходить, бычки – в карман соседу».

После публикации этой заметки в «НГ» однокашник по калининградской бурсе прислал письмо: «Андрюха! По поводу подиштанников. Это вопрос к бывшему к министру культуры СССР Екатерине Фурцевой. По легенде, у нее был плохо закончившийся роман с одним адмиралом. Поэтому на очередном заседании Совета министров, когда обсуждали бюджет Минобороны страны, товарищ Фурцева якобы сказала, что нехрен тратить деньги «на ихнее нижнее белье» – там, мол, и утеплять-то нечего...»

Крайне важно во время смотра, чтобы у тебя не был «зашит зад». Ну, в смысле того, чтобы разрез на шинели был распорот. Нерасшитый задник – это практически преступление. Ведь если задник зашит – офицер в шинелке строен и подтянут, а если расшит – он уже

как в мешковине ходит. Но офицер в нераспоротой шинели почему-то страшно раздражает проверяющих. Впрочем, их вообще все раздражает.

Вот, к примеру, звездочки на погонах. Они в советские времена были скромные такие, почти плоские. Но некоторые разгильдяи заказывали себе в неких чуть ли не подпольных мастерских (за очень по тем временам большие деньги) звездочки из меди, высокие, с четкими гранями. Проверяющие за них нещадно карали. А вот дамам нравилось. Я лично, когда прибыл на первое свое место службы в Лиепаю, тут же был отправлен командиром корабля в парикмахерскую – ликвидировать неуставную стрижку (волосы отросли за первый лейтенантский отпуск). Так девушка в парикмахерской, положив мне на плечи скатерку, провела ласково пальчиками по погонам и заметила: «Ой, какие острые звездочки! О такие не жалко и чулочки порвать...» Ну так это ж Лиепая, чудный город, который, как мы тогда говорили, спит под одним одеялом.

Кстати, о тулье. Это у генералов она «на высоте». На флоте высокая тулья – дурной тон. Настоящие моряки летом носят грибан (потому что похоже на гриб), а зимой – черную, шитую по спецзаказу фураньку (15 рублей в советское время). Грибан – это вам не созданная отечественными мастерами кройки и шитья фуражка (давящая на последние мозги и уродливая, как утюг). Это фуражка, переделанная умелыми ручками флотских специалистов. Верхняя часть у грибана не натянута, тулья опущена, пружина удалена. На строевой смотр в грибане никто не ходит – некоторые заматеревшие проверяющие в высоких званиях любят сбивать грибан с головы офицера и яростно топтаться на нем.

Еще у офицера должны быть ордена на груди. Ну, не то чтобы ордена, но хотя бы медали, то есть тоже «высокие награды Родины». Носят их только на парадах, а так на тужурке должны быть орденские планки. «Ордена» нам, кстати, давали регулярно. Первую медаль, как правило, получали «За 10 лет безупречной службы». Потом 15 лет этой самой «непорочной» службы, потом 20 лет. В перерыве случалось что-то вроде «70-летия Советской Армии и Военно-морского флота». Наконец, флотским долгожителям вручали медаль за «25 лет безупречной службы», прозванную в народе «гробовой». Беда в том, что пришивать на мундир планки всем было лень, поэтому даже седовласые ветераны порой ходили с одной единственной, пришитой еще в капитан-лейтенантские годы, планкой. Что почему-то очень возмущало проверяющих. Мол, как же так, Родина вас наградила, а вы не цените. Ну, с Родиной все ясно: она сказала «вольнo!», но не сказала «разойдись!».

Конечно, важнейшая часть флотского туалета – носки. Они должны быть черного или темно-синего цвета. По команде «ногу на носок ставь» выставляешь вперед на полшага свои копыта и поддериживаешь штанину. Проверяющий внимательно изучает цвет твоих «карасей» – так на флоте носки называют. Почему – до сих пор не пойму.

Кстати, возвращаясь к фуражкам. В стародавние времена даже у носильщиков на вокзале на фуражке были золотые шнуры. Офицер флота получал их, только став капитаном 3 ранга. Потом, правда, дело поправили – шнуры всем повесили, даже мичманам, которых с высоких трибун называли «золотым фондом Военно-морского флота», а мы – простые офицеры – «золотым песком в подшипниках коммунизма». Да, еще о «золоте». Младшим офицерам листья дуба на козырьке фуражки не положены (только при парадной форме). Отсюда и поговорка: «Прослужил я 20 лет, дубом стал, а листьев нет».

Одно радует – листья дубовые на фураньке у меня к концу службы все-таки появились...

Родине вечно не хватает героев

О некоторых нюансах воспитания патриотизма в армии и на флоте

У нас воспитание патриотизма всегда развивается по одной и той же схеме. Сначала вице-премьер Борис Немцов пересаживал чиновников с иномарок на отечественные «Волги». Помнится, тогдашний губернатор Новгородской области Михаил Прусак, разъезжавший по бедной своей губернии как раз на «Волге», говорил: «Была бы возможность, назло пересел бы на джип какой-нибудь». Теперь вот вице-премьер Дмитрий Рогозин заказал себе полицейский броневик российского производства «Тигр». Инициативу уже поддержал коллега Рогозина, министр по вопросам Открытого правительства (знать бы еще, что это такое и с чем его едят) Михаил Абызов, правда, с оговоркой: «Идея абсолютно правильная, патриотичная, главное, чтобы он не пересадил нас на танки».

Мне, видимо, идеальным патриотом никогда уже не стать. Мало того что не чиновник, так еще и не автомобилист. Ни отечественного «тазика» у меня, ни иномарки. Кстати, о «тазиках». Тут судостроители наши доблестные решили новую дизельную суперсубмарину создать. И назвали ее «Ладой». Не удивительно, что в итоге у них полная фигня получилась. Они бы подлодку еще «Ладой-Калиной» назвали!

Но это к слову. Вернемся к патриотизму. Его во мне воспитывали с детства. Но лишь когда в 17 лет на меня напялили тельняшку, то есть когда я поступил в калининградскую военно-морскую бурсу*, мне патриотизм стали вбивать, ежедневно стуча по темечку. Впрочем, через пять лет, став лейтенантом, «Родину любить» учил любимый личный состав уже я.

Лучше всего патриотизм воспитывает гауптвахта

Учили просто. Но со вкусом. Так как для моряка на корабле очередной наряд на службу наказанием не являлся (все равно через день на ремень, как говорится), лучшим средством воспитания патриотизма была гауптвахта. Но там очередь на два месяца вперед. Правда, если принесешь коменданту пару литров шила*, можешь без очереди арендовать камеру на месяц. Но с одним условием – как только моряк (а командир корабля 3 ранга мог объявить только пять суток ареста) выходит, аренда заканчивается. В общем, посадил на губу одного, а уже ждешь, кого следующим определить, чтобы камера не пустовала. Так что в день выхода с губы очередного раздолбая буквально бегаешь по кораблю в поисках следующего кандидата на посадку. Благо, что пристебаться можно и к телеграфному столбу, а уж к матросу...

Не знаю, как сейчас, а в мое время главными воспитателями патриотизма в армии и на флоте, конечно же, были политработники. На флот они приходили из Киевского высшего военно-морского политического училища. Грызли гранит науки в своей бурсе четыре года (в отличие от нас, пять лет трубивших в командных училищах), а старшего лейтенанта получали также через два года. Одно только это уже не прибавляло любви к политработникам. К тому же «руководящая и направляющая» (то есть партия наша вечная – КПСС) додумалась написать в Корабельном уставе, что не старпом, а именно замполит является первым заместителем командира корабля. В итоге, к примеру, замполит имел допуск в радиорубку, а старпому, который, как правило, и есть будущий командир, вход туда был запрещен. Хотя, конечно же, дело не в этом. Просто иной замполит был на корабле своим (но тогда его с утра до ночи перчили в политотделе), а другой – чужим (офицеры на борту его ненавидели, зато в политотделе ценили). Но особо не любили работников политотделов, этих «представителей партии на флоте». Зато они очень любили нас инспектировать.

Иван Грозный и пропагандист Волошин

Помнится, прибыл к нам на тралец с проверкой капитан 2 ранга Волошин, пропагандист политотдела Рижской бригады ОВРа (охраны водного района). Копал с утра и до забора. К обеду выдохся. Потом его скучающий взгляд упал на переборку в моей каюте. Там у меня в рамочке картина висела. «Иван Грозный убивает своего сына» (хотя, как известно, первоначальное название картины Репина было таким – «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года»). Над койкой огромная дыра была в пластике, так я ее репродукцией и закрыл.

– У вас зачем это здесь, товарищ старший лейтенант?

Немею. Что же сказать-то? Не объяснять же ему, что там в переборке дырка. Обвинит в подрыве боеготовности и слабой живучести корабля. Сочиняю на ходу:

– Да я... как бы... люблю живопись. На досуге и сам пишу немного... Маслом... А Репин – это мой кумир, идеал, так сказать...

Но чувствую, не верит, гад. И точно:

– Вы мне сказки не рассказывайте, товарищ старший лейтенант. Полагаю, вы вызываете к себе в каюту провинившегося матроса и говорите ему, что если он будет себя плохо вести, его постигнет такая же судьба, как царского сыночка...

И это без тени юмора. Потому что дурак – это не отсутствие ума. Это такой ум.

Тот же Волошин, кстати, обнаружил в кубрике боевой листок. Его мой молодой лейтенант-минер (жопа в масле, член в тавоте* – это есть минер на флоте) соорудил. Все идеологически выдержано, отдельные недостатки, имеющиеся на «железе»*, «борющемся за высокое звание отличного корабля», в листке отмечены. А финал такой: «В общем, товарищи, среди нас, товарищи, есть такие товарищи, которые нам, товарищи, не товарищи...» Так этим боевым листком Волошин тряс в кабинете начпо*, на парткомиссии и на партконференции. Пытался я возразить, мол, а что тут страшного, так начали трясти меня... Понятно, что после такого еще больше ощущаешь чувство любви к партии и Родине. Потому что, как известно, Родине нужны герои, а манда рождает мудаков!

Патриотизм со строгим выговором

Лучше всего у политработников получалось воспитывать патриотизм с помощью парткомиссии – этой красной гильотины партийного правосудия. Благо всегда есть за что. У нас же личного состава нет только у штабных и политотдельцев. А у остальных – любимый личный состав. А чем моряк отличается от ребенка? Правильно – размером детородного органа.

Поэтому, к примеру, когда механик сторожевого корабля «Туман» Дима Бенеманский после швартовки увидел, что бравый электрик матрос Бердыев полез в щит без перчаток резиновых и коврика (это во время дождя), чтобы перейти с корабельного питания на береговое (то есть на 380 вольт), Дима схватил его за шкирку и отшвырнул от щита. Спас, словом, от смерти. Правда, дав при этом мимоходом по скуластой азиатской физиономии.

На корабельном партсобрании Бенеманскому поставили на вид. За ненадлежащую работу с личным составом. Вышестоящей партячке этого показалось мало и Диме объявили выговор. А парткомиссия до того соскучилась по настоящей работе, что переправила выговор на выговор с занесением в учетную карточку. Вы даже не представляете, как Дима, которому светил, но не высветил, перевод в Ленинград (командиром БЧ-5* крейсера «Аврора»!), полюбил после этого «организующую и направляющую».

Так и служили. По принципу «нас имеют, а мы крепчаем». Без патриотического экстаза, без особого пафоса, но добросовестно. Переживали за тот же самый личный состав (хотя, как известно, куда моряка не целуй – всюду жопа), за матчасть, за успехи в БП и ПП

(боевой и политической подготовке) и т. д. и т. п. Про патриотизм и не заикались, а когда о нем говорили с высоких трибун, старались думать о своем.

Может, это и есть настоящий патриотизм?

Про шило, которое в торпеде не утаишь

Тема алкоголя на флоте бесконечна, как зубная паста в старом тюбике

23 февраля мужское население страны, как известно, бурно отмечает День защитника Отечества. Лучшая, но не самая молодая часть мужского пола (та, что служила до развала СССР), отмечает День Советской Армии и Военно-морского флота.

Потому что День защитника Отечества – это для тех, кто, может, и не служил, но защищать страну готов. А вот День СА и ВМФ – только для мужиков, которые тянули армейскую лямку, пили чай на клотике* и т. п. Кстати, остались бы советские времена, надо полагать, наштамповали бы соответствующих медалек типа «95 лет СА и ВМФ». Было бы сейчас что обмыть.

А так пьем по старинке: «За тех, кто в море, на вахте, гауптвахте, за границей и (не дай бог!) в трипперной больнице!» Чтобы последнее не стало явью, нужно дружить с корабельным врачом, то есть доком. У хорошего дока всегда есть чем вылечить моряка, намотавшего на винты. Несмотря на то что в годы, когда существовали СА и ВМФ, нужные лекарства были в большом дефиците. Но, как говорил наш док Савелий Штангаров: «Тяжело в лечении, легко в гробу». Это когда у него было хорошее настроение. А когда моряки доставали его своими болячками, док просто вспоминал первую строчку клятвы Гиппократы: «Как вы меня все задолбали!»

При этом не любить дока было нельзя. Это же медицина, то есть энные запасы медицинского спирта. В годы, когда партия и правительство долго и безуспешно боролись с пьянством и алкоголизмом в армии и на флоте (в основном с помощью постановлений ЦК КПСС и приказов министра обороны), спасали Вооруженные силы именно медики в погонах. Ну, еще командиры радиотехнической части (для протирки аппаратуры они спирт более или менее приличный использовали), штурмана (для гирокомпаса тоже спирт нужен) и механики. У последних – шило имелось обычно отвратительной очистки – называется «калоша», потому что пахнет резиной, и после принятия даже мизерной дозы от офицера два дня отвратительно несет. Впрочем, даже строгий плакат на переборке со словами «Механик, помни! Ни грамма в пасть, все на матчасть!» не мешал командиру БЧ-5 нашей славной «Линзы» (малого разведывательного корабля) Саше Дремову протирать контакты на рулевом устройстве исключительно «тонким слоем». В общем, принял спиртика на грудь, дыкнул на контакты и протер их ваткой.

Когда к борьбе с пьянством подключился Михаил Сергеевич Горбачев, стало сложнее. Нормы спирта урезали, ничего не доставалось не только механизмам «на протирку», но и живым людям. И говорить об алкоголе стало опасно. Когда мой друг Андрей Криво-ручко, будучи уже капитаном 2 ранга, прибыл с Севера в славный град Питер к новому месту службы и решил, как положено, проставиться (или, как мы говорили, сдать на допуск к столу), новый его командир на вопрос «А что брать спиртного?» ответил строго: «Ты что, с ума сошел? В стране идет борьба с пьянством! Есть строгое указание партии. Так что никакого алкоголя. Возьмешь пару ящиков водки, коньячку немного – бутылок 10–15... И запомни, никакого алкоголя!»

Тема алкоголя на флоте бесконечна, как зубная паста в старом тюбике. Не потому, конечно, что пьют на флоте с утра и до вечера. А потому, что шило – это и конвертируемая валюта, и средство от служебного стресса, и лекарство от всех болезней, и прочая, прочая, прочая. Если спирт низкого качества (см. выше про «калошу»), просто в горло не лезет, туда добавляют марганцовку (для отстоя сивушных масел), чеснок или острый перчик. На некоторых кораблях делают фирменный напиток. К примеру, на сторожевике «Задорный»

Северного флота готовили «Задорновку», добавляя в спирт кофе и пряности. Получалось божественно.

Впрочем, главное, чтобы шило имелось в наличии. Тут возможны варианты. К примеру, подводная лодка выходит в море на торпедные стрельбы. Торпеду готовят в специальном цехе на берегу. После залпа учебная торпеда, условно поразив цель, должна всплыть. Потому что тонуть ей никак нельзя: в торпедке есть серебряно-цинковые аккумуляторы. В зависимости от типа торпеды в каждой из них до 180 элементов, в каждом из которых полтора килограмма чистого серебра. Если стрельба проводится зимой, то для того, чтобы клапана на торпедке не замерзли и она в итоге все-таки всплыла, в торпеду заливают 200 килограммов спиртоводочной смеси. Речь идет о 40-градусном продукте. Понятно, что подобная расточительность немыслима на флоте. В лучшем случае продукт тянет на градусов 15–17. Поэтому иногда торпеды после стрельбы не всплывают. И четверть тонны серебра высочайшей пробы идет на дно.

Понятно, что тут же из штаба флота прибывает комиссия. Идет долгий разбор полетов, в ходе которого члены комиссии успешно выпивают шило, которое так и не досталось торпедке, после чего составляют акт на ее списание. Надо ли добавлять, что торпедные стрельбы у нас любили проводить именно зимой, потому что летом торпеда всплывает и без допинга. А у командира части, готовящей торпеды к использованию, всегда в комнатке хранится бочка со спиртом.

Бывают, правда, случаи, когда шило буквально падает с неба. И в большом количестве. Помнится, когда Латвия была республикой в составе СССР, в учебном центре в Усть-Двинске, что под Ригой, изучали азы морского дела ливийские военные моряки. И здесь же они принимали корабли, построенные в Советском Союзе по заказу полковника Муаммара Каддафи. Мы тогда как раз продавали Ливийской Джамахирии очередной тральщик проекта 266МЭ.

Сдача подходила к концу, когда наши ливийские друзья заказали 200-килограммовую бочку уайт-спирита (за все, конечно, платили валютой). Кто не знает, уайт-спирит – растворитель. Используется для чистки оружейных стволов после стрельбы. А ливийские товарищи, хотя и учили в центре аж полтора года русский язык, естественно, всех тонкостей познать не успели. Вот кто-то из их боцманов и написал в ведомости вместо «уайт-спирит» более ласкающее слух русских моряков слово «спирт».

Бочку со спиртом завезли на борт тральщика «Марсовый» (до передачи заказчику корабль носит русское имя). Понятное дело, ливийские коллеги к шилу непривычны, офицеры у них предпочитали употреблять «Пшеничную» с соком манго. Так что командир ливийского экипажа Муфтах, забыв о доставленном грузе, просто оформил еще одну ведомость – теперь уже на бочку уайт-спирита (с правильным, увы, написанием). Вот тут-то нам карта и пошла! Правда, успели откачать лишь полбочки спирта. А потом набежала свора штабных и реквизировала остатки.

Мы и так штабных, естественно, недолюбливали. А уж после этого случая... Хотя, с другой стороны, как им еще обмывать медали и ордена, полученные за грамотное руководство нами, нижестоящими?

Нет аппетита – корми рыбок

Некоторые рассуждения о пользе правильного питания на флоте

Что главное на флотской службе? Правильно – быть подальше от начальства и поближе к камбузу. Потому что, как известно, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Ну, конечно, кушать хочется, когда в море не качает. Потому что когда качает, приходится в основном рыбок кормить (то есть травить за борт). Хотя, честно говоря, и с этим возникают сложности: выход на верхнюю палубу во избежание ЧП запрещен, двери задраены, так что рыбок кормим, как правило, в гальюне.

В море у нас какие радости, кроме как супостата объегорить? Во-первых, поспать, если ты не на вахте. Во-вторых, покурить, если табачок в запасе имеется. В-третьих, покушать, если, ясное дело, паек не обычный, а походный, то есть когда корабль на боевую службу вышел и на море штиль. Благо, на кораблях радиотехнической разведки (этих «мохнатых ушах»* советского ВМФ) даже во времена, когда в средней полосе ливерная колбаса считалась деликатесом, кормили на убой.

Тушенка, яйца каждый день, сгущенка, шоколад, балык осетровых, консервированный плавленый сыр... И кофе растворимый («Рижский»).... Это только начало списка. А я на «разведчик» прибыл, между прочим, с морского тральщика, там кормежка обычная – щи да каша, как говорится, плюс компот да хлеб с маслом. До этого я думал, что в стране, не считая «Кильки в томате», консервы и тюбики делают исключительно для космонавтов. А тут все в железе – картошка (после жарки превращалась в безвкусную стеклянную массу), лук, курица вареная и т. д. «Завтрак туриста» и «Севрюгу в томате» даже корабельный кот Маркиз брать стеснялся. Как говорил наш начальник РТС*

Шура Устинов, выходя на палубу после сытного обеда: «Если бы в море не качало, на флот шли бы строем, сотня за сотней!»

Так ведь, блин, штормит вечно! Тем более что наша «разведчица» «Линза» – плоскодонка, так как была переделана из сейнера (за борт плюнешь – уже шторм в три балла). В такие дни на камбузе тишина и покой – ни первое, ни второе не приготовишь. Едим селедку и консервы, закусываем солеными огурцами. Тоже из железных банок. В общем, ест только тот, у кого во время качки аппетит сохраняется. Чтобы не укачиваться, морякам выдают воблу (опять-таки в консервных банках) и сухари да сушки.

Хлеб – отдельная песня. Как говорил Леонид Ильич, портрет которого в маршальской форме смотрел на меня с укоризной в каюте (особенно когда мы злоупотребляли – о чем чуть позже), «хлеб – всему голова». Проблема в том, что суденышки проекта «Океан» (по сути, это обычный сейнер), к которым принадлежала наша «Линза», на большой экипаж рассчитаны не были. И пекарню на борту судостроители не предусмотрели. А ходили мы в море как минимум на три месяца. Так что хлеб у нас был спиртовой. Делался он просто. Буханка белого или черного хлеба накачивалась спиртом и запаковывалась в целлофан. В море хлеб замачивался в воде, после чего высушивался на камбузе в духовке. Вы даже не представляется, какой алкогольный аромат при этом распространялся по кораблю. Беда в том, что есть такой хлеб можно только до тех пор, пока он горячий. И к язве приближаешься семимильными шагами.

Естественно, так как вся пища – сплошные консервы, в море очень хочется чего-нибудь свеженького. Но раз есть море – есть и рыба. Особенно, если погода штилевая, а под килем – не более 18–20 метров. Тогда все свободные от вахты выходят на палубу и ловят треску – «на дурака». «Дурак» – это свинцовое грузило с тремя крючками, на которые цепляется яркая тряпочка. И никаких червяков (где их в море взять). Просто дергаешь за леску (если нет

спиннинга) и цепляешь треску – за что попадется. За час рыбалки, если повезет, пять-шесть рыбаков способны обеспечить экипаж (а это сотня «штыков») пропитанием как минимум на сутки. И получается: на первое уха, на второе – жареная рыба, на ужин – котлеты из трески, на завтрак – печень трески и т. д. Начпрод, как говорили на корабле в такие дни, «уху ел от счастья». Потому что удавалось списывать под это дело и мясо, и консервы, и много чего еще вкусного и дефицитного...

При наличии такой закуски просто нельзя не выпить. Я не о консервированных компотах, которых было навалом. И не о соках сублимированной сушки, которые пить можно было только тогда, когда вертишь кружку (иначе все расслаивается на компоненты). Я о вине. Каждому члену экипажа полагалось 50 граммов вина в сутки. Но что такое для настоящего моряка подобная мензурка? И не заметишь. В итоге вино выдавали через день, зато по соточке. Тоже, разумеется, доза смешная. Так что моряки, сидящие за одним бачком*, пили через одного, чтобы было уже 200 граммов на человека. К тому же годки (то есть старослужащие), как правило, стоило ослабнуть контролю над процессом, бутылочки с «Токайским» или «Бычьей кровью» заныкивали, чтобы на славу отметить какой-нибудь дембельский праздник. Для борьбы с возможным безобразием господа офицеры, к примеру, за пару дней до даты «сто дней до приказа» проводили осмотр кубриков и всяческих шхер, откуда и изымали спрятанное. После чего конфискат ими же и выпивался. Хотя офицеры пили в основном спирт. Потому что вино бывало или слишком кислое, или слишком сладкое, а шило – всегда просто вкусное. Даже когда в море штормит.

К слову, это на берегу спирт – главная валюта. В море же главная валюта – сигареты и шоколад. Шоколадка «Спорт» – малюсенькая, всего-то 20 граммов. Штука в день. Зато через три месяца похода приносишь жене и детишкам (или очередной даме сердца) в подарок гору шоколада. Еще это хорошая ставка при игре в шеш-беш или в «козла». Если поход затянулся и появился напярк с табаком, то есть на рассчитали с запасом, – на несколько шоколадок можно обменять приличный чинарик. А если у тебя нашлась упаковка казенного развесного табака (коробочка пять на пять сантиметров) – ты вообще король. За такую коробочку можно выменять банку воблы (а там штук 17–20 рыб).

Но самый большой кайф – когда, возвратившись их похода, с друзьями заходишь в пивнуху, заказываешь каждому по паре кружек «Жигулевского» и на глазах у обалдевшей публики (которая к пенному напитку имеет только тухлую скумбрию или полугнилую селедку) вскрываешь консервным ножом банку с воблой. Причем достаешь оттуда рыбины одну за другой, этак лениво, придирчиво оглядывая каждую и выбирая пожирнее, да чтобы с икрой была. И спинным мозгом чувствуешь, как у окружающих штатских (или пехотных) слюнки текут. Нет, ради таких мгновений стоит и рыбок покормить...

Такая армия непобедима

Как служить – некому, а как бухать 23 февраля – все становятся защитниками Отечества

Годы службы на флоте привили мне стойкое отвращение ко всем праздникам, даже к 23 февраля. Потому что радость одна – праздничный завтрак, который отличается от обычного разве что двумя печенюшками и парочкой сваренных вкрутую яиц. А все остальное – сплошной геморрой.

За сутки до праздника – нудные проверки вышестоящих штабов, для которых готовится специальная красная папка (она так и называлась «праздничная»), где утверждается, что, мол, все опечатано, все под контролем и все расписались, что готовы не бздеть, а бдить, то есть не пить, не есть, не спать, а если враг нападет в святой для Родины день, то получит достойный отпор. Можно подумать, в будний день враг может нападать на нас без проблем.

С утра все побриты, помыты, выглажены, в парадной форме, на боку болтается кортик. Эта тупая гордость офицера, которой даже колбасу нарезать невозможно (разве что врага в ближнем бою заколоть). На борту за пять минут до торжественного подъема флага появляется командир. Как дежурный по кораблю докладываю:

– Товарищ командир! За время моего дежурства происшествий не случилось, за исключением...

Командир меня неожиданно прерывает:

– Стоп! Вот доложил – «не случилось». И все, молчишь. А потом провожаешь меня по шкафуту* и как бы невзначай говоришь – ну там пожар случился или погреб взорвался, корабль чуть не затонул... Но никаких исключений! А то меня «кондратий» хватит. А ты, лейтенант, беречь командира должен...

Далее – сплошные удовольствия. Для начала – строевая прогулка по улицам гарнизона. Февраль в нашей стране, как известно, не самое теплое время года, так что маршировать под звуки бригадного оркестра не слишком приятно. Потом – торжественное собрание в матросском клубе. Доклад об успехах в боевой и политической подготовке, а также вручение высоких наград Родины. Награды эти разнообразием не отличаются. Большинству героев службы – грамоты. Ну и, конечно же, медали. В основном, за выслугу лет или что-то юбилейное. После вручения наград – концерт художественной самодеятельности. Сбежать невозможно – гардероб закрыт на ключ до окончания мероприятия. В общем, здравствуй, Вася, я снеслася!

Ну офицер, ладно. Если ты не обеспечиваешь на «железе», к вечеру доберешься до дома и жена нальет стопарик. Хорошая жена – два. А что делать любимому личному составу в праздничный день? Конечно же, смотреть патриотическое кино (как правило, «В зоне особого внимания»), а потом все по обычному распорядку. То есть просмотр программы «Время», а затем отбой – всем по койкам.

Кстати, о программе «Время», просмотр которой был обязателен для защитников Родины, где бы они ни находились. Помощник коменданта гауптвахты в главной базе Балтийского флота, Балтийске, решал этот вопрос просто. Так как в камерах, естественно, телевизоров не было, он ровно в 21. 00 выводил (причем в любую погоду) арестованных морячков на прогулку во внутренний дворик и заставлял их полчаса смотреть на прожектор на караульной вышке. Мол, это вам просмотр программы «Время».

А прапорщик на губе на Новой Земле, к примеру, подобным «прожектором перестройки» вообще не заморачивался. Он просто выводил арестантов в коридор и выливал на пол ведро воды (палуба тут же покрывалась ледяной коркой). После чего давал им в руки,

как он говорил, «карандаш», то есть ломик: долбите, заодно и согреетесь. Потому что это флот, а не хухры-мухры. И Родину надо быть готовым защищать в любую погоду. А страна у нас, как говорил Жванецкий, северная, так что морозы повсюду. Но мы к ним привычны.

От морозов у нас не страдают только моряки и крысы. Потому что на флоте бабочек, как известно, не ловят. На флоте ловят крыс. Полсотнидохлых шушарок – и 10 суток отпуска, как говорится, в кармане. Правда, это еще суметь надо – крысу уничтожить. Жору Сичкаря, трюмного морского тральщика «Дмитрий Лысов», в экипаже звали Сомнамбула. Он спал всегда – на вахте, во время дежурства, на приборке и т. д. Но не ночью. После отбоя он гулял по кораблю с длинным и острым железным прутот. Редкий корабельный пасюк мог убежать от него. Он протыкал их, как д'Артаньян гвардейцев кардинала. Так как больше двух раз за убиенных шушарок мы его отправить в отпуск не могли, в итоге охота на крыс стала для Жоры просто хобби. Но извести всех хвостатых ему все равно не удалось. И это правильно, потому что если на корабле нет крыс, значит, он потонул. Да и несправедливо это было бы – служили-то вместе. Кстати, что интересно: коты на корабле укачиваются, а крысы – нет. Настоящие мореманы.

С мореманами сегодня, кстати, на флоте проблемы. Контрактников не хватает, а что такое моряк срочной службы, который и служит-то всего год? Из салаг сразу же в годки?

Сейчас, когда я нахожусь в стадии перехода от капитана 2 ранга запаса в капитаны 2 ранга в отставке (то есть в мирное время к службе уже не годен, а в военное – опасен), конечно же, больше волнует не боеготовность флота, а другое – как отметить День защитника Отечества. И какой подарок жена приготовит. Носки или крем для бритья? Впрочем, понятно, что лучший подарок мужчине на 23 февраля – это выходной 24-го. Но такое не в каждом году, увы, получается.

Еще, кстати, крайне волнует тот факт, что никогда страна не бывает такой беззащитной, как вечером 23 февраля. Потому что, как известно, служить у нас некому, но как бухать 23 февраля – все защитники Отечества!

А как будет обеспечена безопасность Родины на следующий день? Все же служивые с похмелья... Помнится, как-то утром 24 февраля, как раз после праздника, командир нашего разведывательного корыта Виктор Михайлович вызвал в каюту командира БЧ-5. А механик на корабле, как известно, отвечает не только за говно и пар, но и за водоснабжение. Командир достал из сейфа трехлитровую банку с чистым спиртом и разлил по стаканам:

– Ну, мех, давай по пять капель!

– Товарищ командир, так рано же еще, только флаг подняли.

– Ты, механик, меня не дури. Я же знаю, с чего ты рабочий день начинаешь.

– Ну, товарищ командир, только из уважения к вам.

Командир БЧ-5 опрокинул в пасть содержимое стакана, схватил в руки графин с водой и налил себе запить. А в графине, увы, тоже чистый спирт! Механик бросился к умывальнику, открыл кран... А оттуда две-три капельки воды – кап-кап...

Посмотрел Михалыч с сочувствием на механика и молвил так ласково:

– А я, механик, так каждое утро...

Нет, ребята, такой народ непобедим. А уж армия и флот – тем более.

Когда на гафеле развевается «длинный рубль»

Как с помощью ручной гранаты обеспечить офицерам достойную зарплату

Советский офицер, как известно, служил не за деньги. Исключительно за идею. При этом деньги по тем временам были вовсе не смешные, а вполне приличные. Не зря же тогда говорили с гордостью: «Я выдал дочку замуж за офицера». Теперь говорят иначе: «На худой конец выйдет за офицера».

И все-таки. Когда я после окончания своей навечно любимой калининградской бursы (высшего военно-морского училища командного состава) попал на первое свое «железо» – сторожевой корабль «Туман», у меня был самый маленький на флоте среди офицеров оклад. Всего 105 рублей. Плюс 30 % «морских» (это если корабль в кампании, а на гафеле* вымпел* развевается, в простонародье называемый «длинным рублем») и 90 рублей за лейтенантские звездочки. В итоге с учетом подоходного налога и налога за бездетность получалось 220 целковых. Неплохие, между прочим, по тем временам деньги. Особенно если учесть, что форма одежды – за счет государства, а питался я, естественно, в кают-компании. А если добавить к данному факту то, что лейтенанту в те годы добро на сход с корабля давали в лучшем случае раз в неделю, можно было и шикануть.

В Лиепе в ресторане «Юра» (море по-латышски) можно было шикарно погулять всего на червонец. Ну, три рубля швейцару Матвейчу за вход (это за всех входящих из твоей компании), бутылка водки (6 рублей), шницель «Юра» и кофе, а потом «сдачи не надо» (около рубля). Не жизнь, а сказка.

А чтобы после сказки не было грусти, при каждом походе в «Юру» командир назначал старшего по кабаку. Этот несчастный отвечал за порядок и контролировал «процесс». Выпить ему разрешалось только первую рюмку. После чего «старшой» должен был гасить возникающие конфликты и в итоге расплатиться за веселую компанию.

Не прошло и года службы, как после очередного съезда партии лейтенантам за звание стали платить уже не 90, а 120 рублей. Это вам не хухры-мухры, а три похода в «Юру» (на эти 30 рублей) как минимум! Спасибо партии: жить сразу стало лучше, жить стало веселей. А далее, как известно, по графику. Каждая маленькая звездочка – прибавка на червонец. А от капдва* до капитана 1 ранга – вообще шаг в двадцатку (но до капраза* не всякому удавалось дотянуть). Кстати, очередное повышение в должности – как минимум на столько же. Начиная современной молодежи объяснять, какое это счастье – лишний «чирик»* к окладу, так ведь не осознают!

Но лучше всего в финансах понимали те мои однокашники, которые на пятом курсе записались в морчасти погранвойск. Во-первых, у них оклад был на 15 % больше, чем у нас, простых мореманов. Во-вторых, звание на ранг выше, даже если мы ходим в море на одинаковых корабликах. В-третьих, в море погранцы у нас как ходят – на недельку, не более. А что поделаешь – КГБ есть КГБ.

Да, возвращаясь к «длинному рублю». В конце 70-х назначили меня на морской тральщик «Марсовый». Только что спущенный на воду, он должен был базироваться в Риге и заниматься обучением экипажей из третьих стран, которым Советский Союз такие же тральщики продавал. Не очень дорого, но за валюту, естественно. Увы, судостроители сорвали сдачу очередного корабля для Ливийской Джамахирии, так что «Марсовый» решили продать Муаммару Каддафи. Продавали год, в течение которого мы ходили в море, проверяли технику и обучали ливийских «братьев по оружию». Но «длинный рубль» на мачте не развевался. Так что «морских» мы не получали. Оказалось, тральщик не входит в состав ВМФ, а принадлежит Главному инженерному управлению Госкомитета СССР по внешнеэкономическим

ческим связям. А у этой структуры, занимающейся экономическим и техническим содействием развивающимся странам, как выяснилось, денег на «морские» нет.

И вот контр-адмирал из столицы (а настоящие моряки, как известно, служат в Москве и ходят в калошах), прибыв утром на наш «корвет» и увидев на борту весьма похмельных минера, механика и штурмана, решил устроить разнос. Вызвал командира дивизиона и говорит:

– У вас, товарищ капитан 2 ранга, бардак на корабле.

Комдив (он накануне тесно общался с кэпом*), тихо дыша в сторону, командиру:

– Николай Николаевич, почему у вас на корабле бардак?

Командир, почти не дыша:

– Так, товарищ адмирал, люди ходят в море, стойко переносят тяготы и лишения, а им даже «морских» не платят. Как можно с них требовать лишнее?

Адмирал строго:

– Так, все понятно. Продолжим разговор в каюте командира.

И продолжили. А почему бы и не поговорить, если только «на сплочение сдаточной команды и командования корабля» руководство Средне-Невского судостроительного завода, который и строил наш тральщик, выделило 40 кг чистейшего спирта! И хранилась эта священная канистра, естественно, в каюте командира. Так что на следующее утро столичный адмирал выглядел несколько не лучше механика, минера и штурмана, не говоря уже о комдиве и командире. Да и претензий к офицерскому составу «Марсового» у адмирала уже не было.

После того как «Марсовый» продали, а меня перевели в Балтийск, на малый разведывательный корабль «Линза», вообще началась финансовая лафа. Каждые три месяца – боевая служба на такой же срок. А каждый день в море – это 1 бон* и 5 копеек. А один бон легко можно было обменять у барыг возле «Альбатроса» (магазина иностранных товаров) рублей на 10, а при удаче – на все 15. Но главное – в «Альбатросе» можно было приодеться, купить забугорные сигареты и т. д. Помнится, тогда появились японские сигареты с угольным фильтром. Это вообще песня! Угостил девушку заморским чудом – и все, твоя!

Вся эта благодать закончилась, естественно, с развалом Союза, появлением талонов на алкоголь, стиральный порошок и прочие радости бытия. Это «время перемен» я встретил в Латвии, которую Михаил Сергеевич Горбачев оперативно отпустил в свободное плавание к берегам чуждого нам тогда Запада. Латвия быстро избавилась от советских банкнот (несколько вагонов с которыми, кстати, были отправлены в дудаевскую Чечню) и перешла на временную валюту. Это были «репшики» (Банк Латвии как раз возглавил местный националист Эйнарс Репше, физик по специальности). Один «репшик» приравнивался к двум сотням «деревянных». А так как зарплату нам в Рижский военно-морской гарнизон присылали в рублях, их нужно было обменивать. Благо структур, занимающихся этим, хватало. А начфину нашему Анатолию Кузнецову был позволен определенный люфт в этом плане. Вот он и искал конторы, где подешевле выходило. И нашел-таки одну.

Деньги менять нужно было немалые – все таки зарплата на пару тысяч «штыков», большинство из которых офицеры. Так что Толя выехал на randevu в сопровождении начальника отдела артиллерийского и минного вооружения тыла бригады капитана 3 ранга Александра Пархомчука. Тут необходимо небольшое отступление. Саша Пархомчук – это 140 кг живого веса (более двух метров в длину), с кулаками размером в пудовую гирию. Уже после увольнения в запас Саша работал инструктором авиационного клуба в Боровичах. На мой вопрос: «Саня, а в чем твоя главная обязанность?» – он отвечал так: «Андрюха, я работаю с юными парашютистами. Мы взлетаем, открываем дверь, и они должны прыгнуть. Некоторые почему-то боятся. Тут выхожу я, и они уже через секунду оказываются в небе».

Поехали на встречу с коммерсантами на стареньком «Москвиче» (как Пархомчук туда помещался, до сих пор не понимаю), припарковались, Толя пошел первым, а Саша чуть задержался. В кабинете бизнесмена (красный пиджак, пальцы веером) стали меняться денежками. После обмена человек в красном неожиданно и несколько по-хамски говорит Толе Кузнецову: «Вы извините, но у вас недоплата». И называет какую-то убийственную сумму. Толя в шоке: что-что, а считать-то он умеет.

И тут появляются те самые 140 кг живого веса, в шинели, перепоясанной портупеей, из которой торчит рукоятка пистолета Макарова. Саша Пархомчук не спеша идет к столу, за которым и ведутся переговоры на высочайшем уровне. И тут из-под шинельки у него неожиданно вываливается Ф-1, то есть «ручная противопехотная оборонительная граната». Предназначенная, если верить инструкции, для поражения живой силы в оборонительном бою и метать которую, как известно, из-за значительного радиуса разлета осколков рекомендуется только из укрытия, бронетранспортера или танка.

Человек в красном становится человеком в белом. То есть бледнеет. Мгновенно ныряет под стол, неведомым образом достает оттуда пачку рублей и говорит с дрожью в голосе: «Извините, упали случайно. Все нормально, никаких вопросов».

На том и разошлись. Потому что для советского офицера не деньги главное. Главное, чтобы любимый город мог спать спокойно.

От смелых отскакивает

Почему два военно-морских курсанта и лопата заменяют экскаватор

На флоте, как известно, рабочий (то есть служебный) день не нормированный. И выходные никому не гарантированы. На эту тему есть старый флотский анекдот.

Собирает командир командный состав в кают-компании:

– Товарищи офицеры, с этого дня переходим на новый график службы. В субботу и воскресенье – выходной. В понедельник отдых от выходных. Во вторник – подготовка к рабочей неделе. Среда – рабочий день. Четверг – отдых после рабочего дня. Пятница – подготовка к выходным.

Возмущенный возглас лейтенанта с галерки:

– Так что, товарищ командир, и долго мы еще по средам вкалывать будем?

В общем, если хочешь поработать, ляг, поспи – и все пройдет. Благо на флоте есть адмиральский час. Но это, конечно, только в анекдоте.

Для человека в погонах праздники, они как мед – вроде бы есть и все-таки их нет. Потому что бдим, граница на замке, враг не пройдет и т. д.

Не знаю, как сейчас, а в советские времена с бдительностью было строго. Во всех планах.

Помнится, доставили нам из политотдела шикарные портреты генерального секретаря – в маршальской форме, при орденах во всю грудь, естественно. На плотной глянцевої бумаге, в цвете, в общем, красота неопиcуемая. Я ими, то есть портретами, тут же обклеил свою каюту и все кубрики. Через неделю телефонограмма из того же политотдела – снять немедленно! И тут же прибежал замполит дивизиона, портретики конфисковал, ничего не объяснив. Вскоре выяснилось: у Леонида нашего Ильича на мундире клапан кармана, как говорится, в карман залез. А уже через пару недель доставили на наше корыто новый портрет, где все по уставу.

Политотдельцы у нас всегда были главными по бдительности. Бдили, как говорится, до потери пульса.

Как-то пришел один такой бдительный каприз к нам на «Линзу» проверять политзанятия. И получил я тут же строгий выговор. А почему? А потому что на самодельном плакате, вывешенном в кубрике, было написано: «Согласно решениям съезда КПСС в 1980 году в стране будет выработано 1 триллион 294 миллиарда кВт/ч электроэнергии».

– Вы что это, товарищ старший лейтенант, – возмутился проверяющий, – искажаете решения партии? Кто вам дал на это право? В решениях съезда ясно написано (достаёт брошюрку), что «в стране будет выработано 1294 миллиарда кВт/ч электроэнергии». И никаких триллионов!

Такая вот партийная арифметика.

Кстати, о капризах. Именно тогда у них появилась «шапка с ручкой». То есть до этого капитанам 1 ранга (и, естественно, адмиралам) полагалась каракулевая привычная шапка-ушанка. И тут неожиданно к каракулевой шапке приделали козырек, как у фуражки.

Говорят, дело было так. Приехал в Москву с визитом Шарль де Голль. И подарил нашему министру обороны Андрею Антоновичу Гречко свою знаменитую деголлевку. А потом к маршалу зашел главком ВМФ СССР Сергей Георгиевич Горшков. И напаялил маршал в порыве добрых эмоций адмиралу на лысую голову подарок из Франции. И сказал, как говорится, что это хорошо. Так у наших адмиралов и капризов появилась «шапка с ручкой». Но это к слову.

Потому что по шапке давали без всяких ручек. У нас же на флоте что главное? Правильно, наказать невиновных, наградить неучаствовавших. На том и стояли. Главное – меньше инициативы. Потому что инициатива на флоте наказуема. Я это еще в училище понял.

Помнится, Валере Бородину, когда мы учились еще на третьем курсе Калининградской военно-морской бурсы, отец-морьяк из заграничного набора фломастеров привез. Страшно дефицитная по тем временам штука. А в наборе целая дюжина цветов. И как-то на занятиях по самоподготовке Валера проснулся. И осенила его оригинальная идея.

– А давайте, мужики, – говорит Валера, – кому-нибудь жопу фломастерами разрисуем!

Угадайте с трех раз, кого тут же скрутили и кто покинул класс с задницей в цветах радуги?

Так что меньше инициативы, больше находчивости. Офицеру без находчивости – ну просто никак. И есть идеальные примеры такой находчивости.

В 1980 году наш славный экипаж принимал от нашей не менее славной судопромышленности ранее упомянутый морской тральщик «Марсовый», чтобы потом передать его в заботливые руки полковника Муаммара Каддафи. Корабль стоял в Питере у стенки на Средне-Невском заводе, а вход на территорию предприятия охраняли сотрудницы вневедомственной охраны. Суровые, скажем так, дамы. Мы их называли «стражами Балтики». Когда наш командир БЧ-5 Олег Николаевич Пляц после выходного попытался пройти через КПП, чтобы приступить к исполнению служебных обязанностей, строгие тетеньки (с Макаровым в кобуре) обнаружили на его торсе некую выпуклость. Это были пол-литра «Московской», которые мех попытался пронести на корабль.

После этого случился такой диалог:

– Товарищ капитан-лейтенант, пронос спиртного на территорию завода категорически запрещен.

– А я все равно пронесу!

– Нет, не пронесете!

– Пронесу, даже не сомневайтесь...

После чего механик достал ту самую «Московскую», сорвал с нее бескозырку (ветераны помнят, что именно так называли крышечку к водочной бутылке) и на одном дыхании влил в себя содержимое. Ткнул рукой турникет и снисходительно заявил изумленным воякам:

– Я же говорил, что пронесу!

Правда, в итоге мы все равно механику настучали по шапке. Водку-то он нам нес.

Но ведь тут что главное? Находчивость. И оптимизм. Помнится, на четвертом курсе проходили мы стажировку на Черноморском флоте. Стою на ГКП (главном командном пункте) большого противолодочного корабля «Красный Кавказ», исполняя обязанности дублера вахтенного офицера. А перед самым мостиком крутится антенна радиолокационной станции. Я к командиру осторожно так с вопросом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.